

Калёнова Наталья Алексеевна

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА "ПУГАЧЁВ"

Анализ дискурсивной реализации ранее не изученной фразеологии в поэме С. А. Есенина "Пугачёв" показывает абсолютную частотность ФЕ с компонентами бог и чёрт; обнаруживает роль ФЕ в объективации эмоционально-оценочной информации как знака, ёмкого по содержанию и имеющего мощную коннотативную базу; а также выявляет основные типы авторского использования фразеологических ресурсов, в том числе преобразовательный потенциал знаков косвенно-производной номинации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 84-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON LEXICO- SEMANTIC GROUPS OF GERMAN POLITICAL ABBREVIATIONS

Inzhechik Anna Anatol'evna
Omsk State Technical University
inshetschik_anna@mail.ru

The article is devoted to identifying the specificity of the functioning of German political abbreviations. On the basis of the study of abbreviation units it is ascertained that they undergo permanent transformations under the influence of extralinguistic and linguistic factors. In the course of the research 13 lexico-semantic groups of abbreviations of the terminological field "politics" are singled out. In percentage terms, the group of abbreviations "ministries and departments" takes first place (13% of the total sample). The smallest in terms of numbers is the group "political events" (1% of the overall scope).

Key words and phrases: abbreviation; politics; sociolinguistics; extralinguistic factors; intralinguistic factors; lexico-semantic group.

УДК 81.1

Анализ дискурсивной реализации ранее не изученной фразеологии в поэме С. А. Есенина «Пугачёв» показывает абсолютную частотность ФЕ с компонентами бог и чёрт; обнаруживает роль ФЕ в объективации эмоционально-оценочной информации как знака, ёмкого по содержанию и имеющего мощную коннотативную базу; а также выявляет основные типы авторского использования фразеологических ресурсов, в том числе преобразовательный потенциал знаков косвенно-производной номинации.

Ключевые слова и фразы: фразеологическая единица; когнитивно-дискурсивная фразеология; язык С. А. Есенина; структурно-семантические трансформации; дискурс.

Калёнова Наталья Алексеевна, д. филол. н.
Волгоградский государственный технический университет
n.a.kalyonova@yandex.ru

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЁВ»

Называя язык поэмы тяжёлым, исследователи апеллируют к сложным образам [3; 6; 9; 11], флоро- и анималистическим метафорам [2]. При этом фразеология поэмы не была объектом специального детального изучения. Продолжая исследование есенинской фразеологии [5], обратимся к фразеологическим единицам (ФЕ) поэмы сквозь призму когнитивно-дискурсивной парадигмы, предполагающей анализ роли знаков косвенно-производной номинации в их дискурсивной реализации [1; 7].

Итак, методом сплошной выборки в поэме выявлено 22 ФЕ в 27 фразеопотреблениях. Наиболее частотными оказались ФЕ *к чёрту* в значении 'грубо-прост. вон, прочь (гнать, прогонять)' [10, т. 2, с. 370-371] (4 фразеопотребления), *чёрта ли* в значении 'прост., пренебр. едва ли важно что-либо, сомнительно' [Там же, с. 370] (2 фразеопотребления) и междометная ФЕ *боже мой* в значении 'разг. экспресс. выражение восхищения, тревоги, огорчения и т.п.' [Там же, т. 1, с. 38] также в двух фразеопотреблениях.

С. А. Есенин активно использует ФЕ с компонентами *бог* и *чёрт*: ФЕ единицы с компонентом *бог* составляют 15%, а с компонентом *чёрт* – 30% от общего количества знаков косвенно-производной номинации.

*Чёрта ль с того, что хотелось мне жить?
Что жестокостью сердце устало хмуриться* [4, с. 31]?

Использование эмотивной ФЕ *чёрта ль с того* в значении 'прост., пренебр. едва ли важно что-либо, сомнительно' [10, т. 2, с. 370] насыщает высказывание эмотивно-оценочными семами. Характер эмотивных сем декодируется при восприятии контекста в целом, что свидетельствует об особой роли анализируемой ФЕ в дискурсе: ФЕ «сигнализирует» о том, что в высказывании объективируется эмоция, а информация о характере семы вербализуется другими средствами, ср.: *Что с того, что хотелось мне жить?**

«Фразеологизмы с компонентом "бог" призваны, как правило, выражать положительные эмоции; фразеологизмы с компонентом "чёрт" – отрицательные эмоции» [11, с. 7]:

*Он ушёл, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть* [4, с. 15].

ФЕ *дай бог* в значении 'пожелание кому-либо удачи, благополучия в каком-либо начинании, деле' [10, т. 1, с. 174] также участвует в комплексной объективации информации, смысловая структура ФЕ коррелирует с семантическими структурами лексем *добрый, хорошо*. Частотность ФЕ с компонентами *бог* и *чёрт* обусловлена тем, что они «выражают субъективную модальность высказывания, характеризуют эмоциональную сферу человека» [11, с. 7].

Коннотативная семантика ФЕ может быть противопоставлена полярным по эмотивно-оценочной шкале коннотациям других языковых единиц: «*Слава Богу! Конец его зверской резне, // Конец его злобному волчьему вою*» [4, с. 50]. Лексемы *зверский, злобный, волчий*, имеющие отрицательные эмотивно-оценочные семы, функционируют в создании художественного образа. Лексический повтор (*конец*) и использование ФЕ *слава богу* участвуют в объективации эмоционального состояния говорящего.

Полиэмотивная междометная ФЕ *боже мой* используется автором в двух контекстах, в обоих случаях объективируя эмоцию удивления, например: «*Боже мой, что я слышу? Казак, замолчи!*» [Там же, с. 47].

Исследователи выделяют в качестве одного из способов создания экспрессии текста фразеологическое насыщение (см., например, [8]). В поэме этот приём реализуется в разных вариациях, например, повторением одной ФЕ: «*К чёрту! К чёрту предателей!*» [4, с. 14]. Фразеологическое насыщение этого типа актуализирует эмотивно-оценочные семы фразеологического значения, делая их смысловым центром семантической структуры высказывания.

Вместе с повторением в высказывание может быть включена другая ФЕ:

*Больно, больно мне быть Петром,
Когда кровь и душа Емельянова. <...>
Но... к чёрту всё это, к чёрту!
Прочь жалость телячьих нег!* [Там же, с. 28].

Повторение междометной ФЕ *к чёрту* объективирует не только гнев, но и интенсивность эмоционального состояния говорящего. При этом в смысловой структуре высказывания усиливается позиция эмотивно-оценочных сем.

Воплощая мир художественных образов фразеологией, С. А. Есенин демонстрирует структурно-семантические трансформации, каждая из которых оригинальна и потому заслуживает пристального внимания. Так, в цитируемом фрагменте обнаруживается ФЕ *телячьи нежности*, подвергшаяся преобразованию: «*Прочь жалость телячьих нег!*» [Там же]. Компонент *нежности* заменяется на компонент *нег* (однокоренное слово от лексемы *нежность*), а сама единица распространяет развёрнутую метафору, становясь её смысловым центром.

Интересным представляется фрагмент поэмы, демонстрирующий использование фразеологического ресурса в системе выразительных средств:

*Кто, странник? Что бродишь долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжёлое,
Виснет с шеи твоя голова?* [Там же, с. 8].

Трансформация фразеологического образа ФЕ *вешать голову* в значении 'разг., экспресс. приходиться в уныние, в отчаяние' [10, т. 1, с. 74] – сложный когнитивно-семантический механизм, результатом которого становится актуализация эмотивно-оценочных и ассоциативно-образных сем. Л. А. Борзых, исследуя специфику флоропоэтики С. А. Есенина, резюмирует: «Первоначально автор использует яблоневый образ, характеризуя эмоциональное состояние главного героя Пугачёва» [2, с. 240]. Преобразованная единица становится частью художественного образа, создаваемого развёрнутой метафорой.

Языковая игра с фразеологическими образами обнаруживается и в другом фрагменте поэмы: «*Стой, атаман, довольно // Об ветер язык чесать*» [4, с. 15]. ФЕ *чесать язык* в значении 'прост. ирон. пустословить, заниматься пустой болтовнёй' [10, т. 2, с. 366] подвергается структурно-семантическому преобразованию, а именно распространению компонентного состава единицы, что влечёт за собой изменение смысловой структуры. При этом лексема *ветер* выступает как компонент ФЕ *бросать слова на ветер*, иначе говоря, приём усечения сохраняет семантическую структуру ФЕ при сокращении компонентного состава. В результате этих преобразований и денотативные, и коннотативные смысловые элементы, взаимодействуя, объективируют целый спектр информации.

ФЕ используется как знак с мощной коннотативной семантикой, носитель коннотативных смыслов:

*И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапщ. <...>
Всех связали, всех взневолили,
С голоду хоть жри железо* [4, с. 9].

Лексический повтор («*по всем окраинам*», «*всех связали, всех взневолили*») акцентирует внимание на масштабности и глубине описываемого эмоционального состояния. Компонент *жри* имеет сниженную стилистическую окраску, тем самым стилистическая сема становится частью фразеологического смысла ФЕ и сигнализирует как о его просторечном характере, так и о негативном эмоционально-оценочном содержании единицы. Таким образом, коннотативные стилистическая и эмотивно-оценочная семы участвуют в формировании семантики высказывания.

Подводя итог, подчеркнём, что фразеология поэмы С. А. Есенина «Пугачёв», рассматриваемая сквозь призму когнитивно-дискурсивного подхода, предстаёт как ёмкий по содержанию речевой ресурс, служащий вербализации целого спектра информации в дискурсе, при этом трансформации ФЕ используются для выдвижения наиболее актуальных для данного акта коммуникации смысловых элементов.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 16-27.
2. **Борзых Л. А.** Поэма С. А. Есенина «Пугачёв»: художественная функция растительных образов // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 12 (104). Ч. 1. С. 239-243.
3. **Галиева М. А.** Образ корабельный в поэме С. А. Есенина «Пугачёв» // Казанский педагогический журнал. 2014. Т. 106. Вып. 5. С. 172-177.
4. **Есенин С. А.** Полное собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Наука; Голос, 1998. Т. III. 720 с.
5. **Калёнова Н. А.** Словарь эпистолярной фразеологии С. А. Есенина. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. 134 с.
6. **Кузнецова А. Ю.** Лингвострановедческий анализ поэтических произведений С. А. Есенина в аудитории филологов-иностранцев: III-IV уровни общего владения РКИ: дисс. ... к. пед. н. М., 2008. 206 с.
7. **Самарина В. С.** Основные подходы к когнитивному анализу фразеологизмов и паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. II. С. 178-181.
8. **Семушина Е. Ю.** Фразеологическое насыщение контекста (на материале русского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 138-141.
9. **Федосеев А. Ю.** Поэма С. А. Есенина «Пугачёв»: технология продуктивного изучения // Современное есениноведение. 2013. № 24. С. 56-59.
10. **Фразеологический словарь русского литературного языка:** в 2-х т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 397 с.; Т. 2. 396 с.
11. **Шведова Н. В.** Фразеологизмы с компонентами «бог» и «чёрт»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2004. 21 с.
12. **Шубникова-Гусева Н. И.** Творчество С. А. Есенина в школе // Литература в школе. 2004. № 2. С. 12-17.

**THE DISCURSIVE REALIZATION OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS
IN S. A. YESENIN'S POEM "PUGACHEV"**

Kalenova Natal'ya Alekseevna, Doctor in Philology
Volgograd State Technical University
n.a.kalyonova@yandex.ru

The analysis of the discursive realization of the phraseology in S. A. Yesenin's poem "Pugachev", which has not been studied previously, shows the absolute frequency of phraseological units with the components *god* and *devil*; reveals the role of phraseological units in the objectivation of emotional-evaluative information as a sign which is capacious in content and has a strong connotative base; and also identifies the main types of author's use of phraseological resources, including the transformative potential of signs of indirect-derivative nomination.

Key words and phrases: phraseological unit; cognitive-discursive phraseology; S. A. Yesenin's language; structural and semantic transformations; discourse.

УДК 81

Статья посвящена местоименным формам и их текстообразующему потенциалу в современных русских печатных СМИ. Они представляют собой самостоятельную внутриязыковую межуровневую систему в рамках морфолого-синтаксической категории определенности/неопределенности. Автор статьи ставит целью доказать особую роль местоименных детерминативов в выражении семантики определенности/неопределенности существительных и их определенный статус в рамках исследуемой категории на страницах русских газетных текстов.

Ключевые слова и фразы: местоименные детерминативы; семантика определенности/неопределенности; текстообразование; именная группа; контекст; речевой акт.

Кацитадзе Инна Мангуровна, к. филол. н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
imkacitadze@sfedu.ru

**МЕСТОИМЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАТИВЫ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

В современном языкознании функционально-семантическая категория определенности/неопределенности (далее – О/Н) традиционно освещается с точки зрения её участия в процессе познания, в связи с другими категориями, характеризуется в аспекте языковой семантики, способов формального выражения и конкретных условий её реализации в живой речи.

Особым средством выражения данной категории являются местоимения, в лексическое значение которых входит указание на тот или иной тип референции. Специальными показателями референциальных статусов являются «чистые» детерминативы (актуализаторы): *этот, тот, такой*, – снимающие неконкретность,